

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 48. Is. 2. pp. 465-473. 2018
 DOI: 10.13187/bg.2018.2.465
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Highland's Socio-Cultural Heritage in the Context Of Scientific Comprehension of the Historical Imperatives of the Scottish Society's Political Development. Part 2

Pavel A. Merkulov^{a,*}, Evgeniy A. Turin^a, Elena N. Savinova^a, Natalia G. Akatova^a

^aCentral Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Russian Federation

Abstract

The article examines the historical imperatives of the Scottish identity in the context of scientific understanding of the civilizational and sociocultural foundations of the political development of the Scottish society. Trying to understand the reasons for the emergence of separatist tendencies in the UK, the authors touch upon a number of issues related to the role of Scotland in the formation of the British Empire, separately focusing on the problem of the transformation of the Scottish identity at the end of the XVIII – XIX centuries.

The article focuses on the views of the Scottish authors of the imperial and modern periods on the socio-cultural heritage of the Highland in the context of the scientific interpretation of the historical imperatives of the political development of Scotland. The article substantiates the idea that the socio-cultural heritage of the Highlanders did not remain static, but, on the contrary, was marked with dynamism, because Highland was introduced into the English-speaking consciousness in times of difficult conditions of imperial expansion, clash of cultures, time periods and space. This led to ambiguous characteristics of the Scottish identity. This issue, from the authors' point of view, continues to be rather controversial from the end of the XVIII century up to the present time, due to Scotland's contradictory character. The latter circumstance is explained by the historically determined involvement of the Scots in the political, economic and cultural expansion of the British Empire. Therefore, taking into account various concepts describing the current state of the Scottish society, the authors of the article consider that it is very important to understand the ambivalence of views on the Scottish identity, whose socio-cultural heritage of Highland was like a "litmus test" in the XVIII-XIX centuries.

Keywords: Scotland, Highland, Lowland, Scottish identity, British identity, colonialism, British Empire.

Продолжение

Желание Общества Хайленд произвести ряд реформ, влиться в так называемый национальный «прогресс» говорит о стремлении сохранить шотландские традиции. Это также следует рассматривать в контексте про-союзных шотландских концепций и необходимости самосовершенствования для дальнейшего сотрудничества полноправных партнеров – Шотландии и Англии в рамках Союза. Призыв к реформам говорит и о некоей обеспокоенности шотландцев относительно «примитивности» их положения относительно южного соседа (Craig, 1996). Таким образом, реформирование Хайленда стало результатом прошлых попыток шотландцев модернизировать не только инфраструктуру и экономику, но и национальный характер. Шотландцы всегда пытались очистить свой язык от «примесей», чтобы создать новый вид идентичности, которая не мешала бы пользоваться экономическими возможностями Союза (Duncan, 1998). Синклер, в свою очередь, также писал о своих исследованиях, его книга «Наблюдения за развитием шотландского

* Corresponding author

E-mail addresses: nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), turin.of.foveran@yandex.ru (E.A. Turin), savinovae.n@yandex.ru (E.N. Savinova), ngofficial@yandex.ru (N.G. Akatova)

диалекта» вышла в Лондоне в 1784 году, в которой он утверждает, что «необходимо обрести новые манеры и создать собственный язык» для того, чтобы шотландцы смогли получить полный доступ к новым возможностям Союза (Crawford, 1992: 24).

Шотландцы, такие, как Синклер, рассматривали реформы в Хайленде как неотъемлемую часть проекта по консолидации Империи, в которой процветала бы и сама Шотландия. Синклер всегда связывал развитие с общим ростом благосостояния, впоследствии его сын писал, что последние слова Синклера выражали «теплую привязанность» к жителям Хайленда, чье благополучие, к его сожалению, было «весьма несовершенным» (Sinclair, 1837: 389). Идеология развития является нечто большим, чем просто инструмент англо-ориентированного колониализма, и отражает досадное отношение к собственной идентичности англоговорящих шотландцев. Синклер пишет: «С одной стороны, они ревностно стремятся сохранить или восстановить ту часть себя, которую они считают утраченной навсегда, а с другой стороны, они навязчиво стремятся реформировать ту же самую часть, которая представляет для них остатки шотландской дикости» (Sinclair, 1837: 389).

Таким образом, Хайленд (точнее, его культурное наследие) стал предметом многочисленных научных исследований и непрекращающихся дискуссий. Малколм Чепмен пишет: «Совершенно случайно интеллектуальный мир столь крупного общества заинтересовался именно примитивным Хайлендом, а не скажем, Лотианским крестьянством или проблематикой Южных Островов» (Chapman, 1992: 20). Именно близкое расположение лежит в основе отношения англицизированных шотландцев Лоуленда к Хайленду, поскольку жители последнего – «примитивный» народ, занимающий пространственную и культурную позицию, которая пока не доступна для лоулендеров. Эта «пропасть» между «их идентичностью, самосознанием» и окружающим миром отражена в самой географии Шотландии – Нагорье (Хайленд) / Низины (Лоуленд). Жители Лоуленда и Хайленда, безусловно, взаимодействовали: путешествовали, занимались торговлей, заключали браки и т.д. Таким образом, эти два мира прошли разные этапы развития, но в то же время тесно соприкасались.

В этой связи уместно прибегнуть к мнению Бенедикта Андерсона, являющегося автором теории национального общества, которое, по его словам, «движется через однородное, пустое время» (Anderson, 1983). По его мнению, нация организована как серия культурных столкновений, аналогичных, но не сводимых к одновременным встречам в имперских пространствах в других местах.

Непрекращающиеся дискуссии об идентичности и различиях лоулендеров и горцев Хайленда представляют собой форму колониальной амбивалентности, которую постколониальные критики определяли в колониальном дискурсе. Так, Хоми К. Бхабха утверждал, что колониальный дискурс представляет собой колониальный субъект, который «одновременно является чем-то чуждым» и в то же время «полностью узнаваемым и видимым», он отражает стремление к «реформам и изменениям» (Bhabha, 1984: 125-135). Бхабха видит амбивалентность, которая подрывает уверенность в колониальном дискурсе. В шотландских работах о Хайленде «примитивность» становится составной частью нации. Поэтому Хайленд параллелен динамике амбивалентности колониального дискурса, который описывает Бхабха. Тем не менее Хайленд выступает как нечто «националистическое» и одновременно «имперское». Применяя условия Бхабхи к культурным особенностям Хайленда, можно утверждать, что дискурс последнего отражает стремление сформировать свою собственную национальную идентичность (Bhabha, 1984: 235).

Многочисленные научные работы, посвященные Хайленду, написанные во времена существования империи, в частности в контексте реакции шотландцев на консолидацию британского союза после 1707 года, стали предметом острой критики и дискуссий, одним из участников которых стал, например, Мюррей Г.Х. Питток, скрупулезно прослеживавший в своих работах традиции Хайленда. Впоследствии Вальтер Скотт неразрывно связывал политическую идеологию якобитов с культурой Хайленда, о чем свидетельствуют многие его письма и художественные произведения. Колин Кидд подтверждает убедительную связь, описанную В. Скоттом, между укладом жизни Хайленда и шотландской культурой, адаптируя историографию английских вигов (Kidd, 1993: 247-268). Кидд предполагает, что, хотя В. Скотт был буквально очарован Хайлендом, идеологическим толчком, стоящим за всеми его работами, стал отказ от прошлого и принятие прогрессивных возможностей англо-шотландского союза. Романы В. Скотта, так же, как и деятельность Общества Хайленд, были направлены на формирование национальной идеи, чувства общей исторической традиции и общего прошлого. Взгляды же К. Кидда и М. Питтока (Pittock, 2001) бесценны для осмысления и определения роли Хайленда в консолидации национального государства, теория которого была предложена Б. Андерсоном (Anderson, 1983: 6-7).

В дополнение к анализу Питтока и Кидда, в которых основное внимание уделяется роли Хайленда в формировании шотландской нации и государственности, существует и альтернативный анализ, где Хайленд рассматривается как находящийся в процессе «внутреннего колониализма» британской «кельтской модели», представленной Шотландией, Ирландией и Уэльсом. Поскольку различные регионы мира попали под гегемонистское господство глобального капитализма в «мировой системе», они интегрировались в иерархические отношения, в которых столичный «центр» превращает «периферию» в место производства и потребления сырья. Как пишет Майкл Хечтер,

центр в подавляющем большинстве доминирует как на экономическом, так и на культурном фронте, а периферия не имеет силы сопротивляться неумолимому натиску центра (Hechter, 1975). В Империи Хайленд считался периферийным регионом, поскольку был подчинен англизирующим силам Шотландии и имперского Лондона. В этой связи Питер Уомак суммировал гегемонистский эффект внутреннего колониализма: «Хайленд подчинен системе метрополии не на том основании, что она имеет превосходство, а на том основании, что она неизбежна. Совсем необязательно отдавать ей свое предпочтение, так как в любом случае эта система принудительна» (Womack, 1989: 167).

Однако «кельтская модель» британского империализма серьезно критикуется Линдой Колли и Робертом Кроуфордом, которые утверждают, что британская культура не была «просто навязана» англичанами кельтским землям (Colley, 1992; Crawford, 1992). Колли в своем анализе формирования британской идентичности в контексте длительных военных действий против Франции предлагает более динамичный анализ взаимодействия между разрозненными культурами народов Великобритании. Она утверждает, что чувство общей британской идентичности возникло «прежде всего, в ответ на конфликт с другими культурами», и, хотя она возникла после шотландской, валлийской и ирландской, британская идентичность не вытеснила и не уничтожила их (Colley, 1992). Кроуфорд критиковал «кельтскую модель» еще более яростно, указывая на то, каким образом шотландская «периферия» принимала активное участие в формировании британской литературы и культуры. В работе, которая описывает «переданный», а не «тоталитарный» англоцентристский подход в британской литературе, Кроуфорд отмечает, что на протяжении веков границы центра подвергались изменениям и многократно оспаривались» (Crawford, 1992: 7). Кроуфорд, как и Колли, представляет динамичную, мультикультурную модель Британии, которая подчеркивает двойное влияние центра и периферийных культур, позволяя внутренним меньшинствам эффективно противостоять указанному влиянию и формировать свою национальную культуру. Однако, если обе работы позволяют нам полностью переосмыслить кельтскую культуру, ни одна из них не рассматривает отношения различных культур в самой Великобритании. Если правомерно утверждать, что культура Британии берет свое начало не из центра, следует отметить, что не все члены различных этнических групп играли равнозначную роль в ее формировании.

Постколониальные исследователи, такие, как Иан Бауком, Симон Гиканди и Найджел Лиск, описывают роль внешнего колониализма в формировании Британии и британской идентичности (Baucom, 1999; Gikandi, 1996; Leask, 1992). Например, в своем анализе имперских «волнений» Лиск рассматривает решающую роль британской экспансии в формировании британской идентичности: «Нельзя просто говорить об империализме в период исторического кризиса гражданской идеологии предконституционного национального государства. Не похоже, что «исходный» гражданский дискурс, разработанный в сплоченном столичном обществе, впоследствии был поставлен под удар в колониальном или имперском контексте. Скорее даже... национальная культура была продуктом имперской экспансии, поскольку империализм был «выражением» этой культуры» (Leask, 1992: 86).

Исследование Лиска заслуживает отдельного внимания, поскольку он отмечает, что идеи формирования нации и империи взаимозаменяемые. Более того, его понимание культурного превосходства Великобритании позволяет переосмыслить двоякую модель колониального дискурса. Лиск пишет, что британский империализм производит триадную структуру, в которой кельтская периферия связана с имперским центром и поэтому занимает промежуточное звено. Эта триадная структура позволила шотландцам, обеспокоенным культурной маргинализацией, определить свое место в историческом процессе.

«Теория переселения» Лиска учитывает сложные связи между внутренними и внешними маргинализированными культурами. Однако анализ Лиска, как и других постколониальных критиков, не охватывает культурные различия внутри самой Шотландии, тем самым упрощая связь между внутренним и внешним колониализмом, сводя его к простой хронологии, в которой первое предшествует последнему и служит своего рода имперской «разминкой», когда «перифериизация» устанавливает колониальные институты и создает рамки, которые будут обозначены в мировом сообществе. Бауком, например, в своей работе «Вне места» отслеживает тонкие сдвиги в формировании и развитии «британскости» посредством анализа изменений парламентских определений «британское», «британский» и т.п. Тем не менее он мало упоминает о националистическом давлении, исходящим из Шотландии, Ирландии и Уэльса, которое могло бы внести свой вклад в эти сдвиги и продолжать играть роль в официальных толкованиях «британскости» (Baucom, 1999).

Де факто экономические преобразования, происходившие в имперский период на периферии Британии, отражали состояние культур, подверженных динамике как внешнего, так и внутреннего колониализма. Амбивалентность, которую описывают исследователи Хайленда, отражает пересекающиеся временные рамки британского империализма в эпоху романтизма, она происходит на разных уровнях и локациях в самой нации и не только. Для шотландского общества эти процессы имели больший смысл, чем просто теории переселения, к которым оно выражало свое противоречивое и неоднозначное отношение, поскольку участие Шотландии в имперском проекте имело весьма неоднозначный и дискуссионный характер.

Колли, суммируя важность имперской идеи в определении британской идентичности, указывает, что, «хотя англичане и иностранцы называют Великобританию «Англия», они никогда не называли ее «Империя» (Colley, 1992: 130). Если идея империи имеет центральное значение для формирования британского национального чувства, то также стоит упомянуть, что империя сформировала отличительные национальные особенности шотландского общества. Для образованных шотландцев империализм был выдающимся элементом в принятии Союза с момента его создания после Унии 1707 года. Неудавшаяся колонизация Дарьена привела шотландцев к тому, что сотрудничество с Англией обеспечивало единственный путь к имперскому успеху¹. Впрочем, еще до фактического создания Союза идея империи определила условия участия Шотландии в консолидации британской государственности, поскольку многие шотландцы приняли потерю политической автономии в обмен на то, что еще больше обеспечит выгоду для нации в долгосрочной перспективе: доступ к новым зарубежным рынкам и богатство империи. Более того, поскольку имперская идея оказалась полем игры, на котором шотландцы и англичане были равны, развитие имперской государственности подразумевало партнерские отношения Шотландии и Англии. Таким образом, имперская идея стала единственным способом утверждения Шотландии в составе Великобритании. В XIX столетии Т. Дивайн писал: «Создание империи было представлено как нечто исключительно шотландское, как исполнение национальной судьбы. Шотландские таланты были показаны на мировой арене благодаря вкладу нации в развитие величайшей территориальной империи на земле. Британская империя ни в коем случае не преуменьшала чувства шотландской идентичности, а усиливала ее, как и чувство национального уважения, демонстрируя, что шотландцы были равными партнерами с англичанами в великой имперской миссии (Devine, 2006: 289-290).

Несмотря на то, что шотландцы и англичане служили в Вооруженных силах в непропорциональном количестве, нельзя утверждать, что Шотландия представляла военную мощь Англии. К середине XVIII века шотландцы создали торговые точки в колониальном мире Азии, Восточной Индии и Северной Америке. Кроме того, к середине века шотландцы получили доступ к империи через министерские назначения и систему патронажа, что открывало путь к имперским административным должностям, где они могли бы играть более активную роль в разработке и реализации имперской политики.

Величайший из шотландских имперских фигур конца XVIII века – Генри Дандас, президент Совета по контролю Ост-Индской компании (EIC) с 1793 по 1801 годы (и член лондонского Общества Хайленд) – увеличил численность шотландцев в администрации. Усилия Дандаса вызвали много критики (Fry, 1992: 111). Несмотря на это, он не только обеспечил средства к существованию шотландцев в Индии, но и активно продвигал имперскую экспансию. Его биограф Майкл Фрай предполагает, что роль Дандаса в формировании британской имперской политики носила «шотландский характер», поскольку его деятельность осуществлялась под влиянием историографических, антропологических и социологических теорий Шотландского Просвещения. Таким образом, пишет Фрай: «Дандас мог универсализировать свои концепции и корректно применить их ... к новым условиям» (Fry, 1992: 115).

Министр Правительства, престиж которого зависел от действий, направленных на укрепление Союза, видел своей задачей не отказ от интересов англичан, а «формирование Союза» на шотландских условиях (Fry, 1992: 128).

Поскольку Шотландия сыграла центральную роль в формировании британской культуры, зажиточные слои населения империи оказали глубокое влияние на шотландскую жизнь: роскошные дома в Глазго, финансируемые огромной прибылью от торговли табаком, проектирование домов шотландских набобов, чье новообретенное богатство из Индии преобразило шотландский ландшафт. Как указывает Дивайн, значительная часть средств, выделенных на улучшение жизни как в Лоуленде, так и Хайленде, выделялась из средств Империи. Признавая влияние Дандаса в преобразовании индийской и шотландской культур, граф Роузбери писал: «Он сделал Индию более шотландской, а Шотландию – восточной» (Fry, 1992: 111).

Центральная роль Шотландии в формировании Британской империи все больше становится предметом научного интереса. Впрочем, большинство исследователей отмечает, что в Шотландии во время подъема Империи общество находилось в аномальном социально-политическом положении, т.к. шотландцы оказались тогда чуть ли не единственной европейской нацией, которая, несмотря на ее беспрецедентную промышленную и имперскую экспансию, продолжала оставаться «в ежовых рукавицах». Между 1820-м годом и Первой мировой войной из страны эмигрировало около 2 млн шотландцев, в результате чего Шотландия находилась в той же ситуации, что и Ирландия по уровню эмиграции на душу населения (Devine, 2006: 468). В период существования Британской империи

¹ Шотландская колонизация бухты Дарьен, известная под названием Проект «Дарьен» или Дарьенский проект, англ. The Darién scheme – попытка Королевства Шотландия начать собственную имперскую политику путем основания шотландской колонии в Центральной Америке в заливе Дарьен (ныне территория Панамы) в конце 1690-х гг. Проект окончился неудачей и стал одной из причин финансового краха Шотландии, что стало одним из факторов, приведших к шотландско-британской унии в 1707 г.

шотландское общество отличалось глубоким динамизмом. Жизнь многих шотландцев (как внешне, так и внутренне) определяли переселение и миграция, что весьма негативно оценивал Вальтер Скотт. Так, он призывал своего сына, служившего в 18-м гусарском полку в Ирландии, по поводу возможного перевода в Индию вовсе отказаться от службы. Великий шотландец писал своему отпрыску: «Вы не получите ни опыта в своей профессии, ни богатства, ни чего-либо другого, кроме никчемной смерти при штурме форта какого-нибудь раджи с непроносимым именем... или, если вы выживете, это вернетесь через 20 лет лейтенантом или капитаном с желтым лицом и большой печенью, а не с рупией в кармане, чтобы ею оплатить утраченное здоровье» (Scott, 1932-37: 435). По сути, Скотт, применительно к Шотландии, критиковал то, о чем писал Дэвид Ллойд, давая социокультурные характеристики Ирландии имперско-колониального периода: «...Ее (Ирландии – авт.) население в прямом и переносном смысле рассредоточено по многочисленным локациям мирового сообщества» (Lloyd, 1993).

Действительно, большая часть иммиграции, возникшей в шотландском Хайленде, отражает социальные и экономические потрясения, которые, по-видимому, обусловлены динамикой внутренней колонизации. Однако хронология эмиграции Хайленда усложняет идею о том, что колонизация началась сначала в кельтских поселениях, а потом постепенно перешла на иные этнокультурные регионы. Историки считают, что в конце XVIII – начале XIX веков эмиграция Хайленда усилилась. Эрик Ричардс пишет, что в период с 1770 по 1815 годы более десяти тысяч человек уехали в Северную Америку (Richards, 2000: 64). Подобное массовое переселение является только первым этапом. Еще более резкие темпы миграции произошли в течение XIX века – в 1820-х, 1840-х и 1850-х годах, прекратившиеся только в конце 1880-х годов после принятия «Закона арендаторов», который обеспечил жителей Хайленда землей. Факт непрерывной эмиграции и переселений на протяжении всей эпохи «внешнего колониализма» указывает на активное протекание процессов становления Империи. Тот же упоминавшийся Дандас всегда старался укрепить британские имперские интересы, не забывая также и о Хайленде. Например, обеспокоенный ростом темпов эмиграции среди хайлендеров, Дандас, будучи директором Британского рыбохозяйственного общества, способствовал развитию рыбной промышленности Нагорья.

Схожие схемы развития отдельных колоний и Хайленда иллюстрируют сложную динамику империализма в XVIII – начале XIX веков, свидетельствуют о том, что простая оппозиция между внутренним и внешним колониализмом не может объяснять все вопросы, касающиеся британской имперской парадигмы. Синхронность имперской экспансии на ранних этапах, происходящих внутри страны и за ее пределами, породила многочисленные имперские «веяния», переходящие из одного региона в другой, что привело к некоторым противоречиям. Например, Шотландское Общество распространения христианских знаний (SSPCK) было основано в 1709 году с целью «распространения христианских знаний, в частности в Хайленде и на Британских Островах, где царил порок, идолопоклонство, суеверие и атеизм» (Withers, 1992: 120). Тем не менее уже в 1730-х годах SSPCK расширило сферу своей миссии, активизировавшись в Северной Америке и работая над перевоспитанием коренных американцев. Миссионерская работа в Хайленде не просто предшествовала работе в британских колониях Америки, а дополняла ее. Методы работы SSPCK по обе стороны Атлантики часто пересекались и влияли друг на друга. Опыт управления в Хайленде и Северной Америке помог сформировать общее отношение SSPCK к культурам коренных народов, с которыми оно работало. Дональд Мик отмечает, что SSPCK все более терпимо относилось к определенным аспектам родной культуры, особенно к родному языку, в стремлении достичь своих целей (Meek, 1989: 378-396). В то же время тесные контакты и взаимодействие между коренными американцами и вновь прибывшими переселенцами из Хайленда позволили миссионерам наблюдать их совместную деятельность, что давало возможность проводить параллели между двумя «примитивными» культурами (Meek, 1989: 387).

Транспериферический поток империализма способствовал приближению шотландской культуры (благодаря миссионерам Лоуланда и иммигрантам Хайленда) к культуре коренных американцев, что вызвало многочисленные дискуссии и сравнения кельтов и коренных американцев, отразившиеся в работах теоретиков Шотландского Просвещения. Правда, сказанное вовсе не означает, что имперское отношение к жителям Хайленда и к коренным американцам было совершенно одинаковым. Социокультурный обмен предполагает, что даже если ключевой чертой имперской культуры является ее способность проявлять себя в различных локациях, то и сама она претерпевает некоторые изменения, соприкасаясь с другими культурами.

Критики, такие, как Кэти Трумпенер и Джанет Соренсен, подчеркивают синхронность внутреннего и внешнего колониализма и важность транспериферических и транснациональных каналов культурного обмена. Трумпенер в своем исследовании описывает подъем на кельтской периферии в эпоху Романтизма «бардического национализма». Это стало цивилизационным ответом британских кельтов на растущее политическое и культурное господство Англии, т.к. в традиции кельтских народов барды играли ключевую роль в формировании национальной идентичности (Trumpener, 1997: 67-127). Антиимпериалистический национализм бардов впоследствии был несколько видоизменен (в частности В. Скоттом), что обеспечило консолидацию возрожденной

имперской британской идентичности, способной оказать сопротивление девициям империализма. В свою очередь Соренсен исследовала модели внутреннего колониализма, который, по ее мнению, не соответствует транснациональному характеру британской культуры XVIII века. Она проанализировала, как империализм устанавливает связь центра и периферии между регионами, а также внутри самих регионов, созданных по классовым и гендерным различиям (Sorensen, 2000). Хотя Трумпенер и Соренсен посвящают большую часть исследований анализу Шотландии, они также описывают взаимодействие и иных периферийных культур с доминирующей английской культурой.

В определенной степени данная статья является продолжением взглядов, которые транслировали в своих работах Трумпенер и Соренсен, и мы абсолютно согласны с тем, что невозможно отследить формирование национального и имперского сознания в Великобритании как отдельные явления. Тем не менее мы фокусируем анализ на шотландских исследованиях Хайленда, поскольку колониальная амбивалентность данных работ подчеркивает уникальные исторические условия Шотландии, позволившие создать профессиональную элиту, которая играла центральную роль в формировании британских имперских взглядов в условиях растущего господства английского политического и культурного влияния.

6. Заключение

Завершая, отметим, что вопрос социокультурного наследия Хайленда в контексте научного осмысления исторических императивов политического развития шотландского общества продолжает оставаться дискуссионным с конца XVIII века вплоть до настоящего времени.

Ян Дункан и Джанет Соренсен отмечали, что Шотландия в цивилизационном плане является противоречивым местом не сама по себе, а всегда как часть более широкой политической, экономической и культурной экспансии, охватывавшей мировой горизонт имперских территорий Британии (Duncan, 2002: 81-102; Sorensen, 2000). Касательно формирования британской национальной идентичности трудно не согласиться также с мнением Дэвиса, который описывает ее формирование как процесс диалога: «Идеи нации/империи формулируются через споры и переговоры о конкурирующих и часто раздробленных культурах» (Davis, 1998).

Тем не менее работы Макферсона и Скотта раскрывают нестабильность национальной идентичности шотландцев, поскольку подобные подходы недостаточны для представления нации.

Нам хотелось бы надеяться, что представленный в данной статье анализ делает очевидной колоссальную роль разнообразных трудов о Хайленде в процессе формирования понимания Шотландии в целом. Шотландцы представили свое понимание идентичности «себя» и «других» народов, что обусловлено своеобразной напряженностью и требованиями быстро менявшейся в XVIII–XIX веках национальной культуры. Социокультурное наследие Хайленда не является статическим, напротив – это символ неумолимого динамизма, поскольку его представители считают себя одновременно и жертвами, и агентами «англизации». Хайленд был введен в англоязычное сознание во времена сложных условий имперской экспансии, столкновения культур, временных рамок и пространства. Поэтому, на наш взгляд, сталкиваясь с растущим множеством концепций, описывающих современное состояние шотландского общества, очень важно понимать способы преодоления социокультурных проблем, которые возникали в Шотландии не только после крушения Британской империи, но и с момента ее возникновения (Тюрин, 2017: 178-182).

Тогда амбивалентность взглядов о шотландских социокультурных проявлениях отражала тяжелое положение этнического меньшинства, стремящегося выжить в условиях имперской парадигмы (Merkulov et al., 2017: 765-775). Последняя делила британское общество на разные культуры по классовой и гендерной принадлежности (Cheape, 1991: 23). Отношение британских властей к проблеме «примитивных» народов, к которым в XVIII – начале XIX века относили и шотландских горцев, заставляет нас сегодня обращать внимание на социокультурное наследие Хайленда в контексте научного осмысления исторических императивов политического развития современного шотландского общества и особенностей «национализма» шотландцев (Меркулов и др., 2017: 153-159).

Литература

Меркулов и др., 2017 – Меркулов П.А., Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Эволюция ШНП в борьбе за национальное самоопределение Шотландии: к вопросу об особенностях шотландского «национализма» // *Власть*. 2017. № 6. С. 153-159.

Тюрин, 2017 – Тюрин Е.А. Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии // *Власть*. 2017. № 7. С. 178-182.

Anderson, 1983 – Anderson B. *Imagined Communities*. London: Verso, 1983.

Vaicom, 1999 – Vaicom I. *Out of Place: Englishness, Empire, and the Locations of Identity*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

Bhabha, 1984 – Bhabha H.K. “Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse” October 28, 1984.

Chapman, 1992 – Chapman M. *The Celts: the Construction of a Myth*. New York: St Martin's, 1992.

- [Cheape, 1991](#) – *Cheape H.* Tartan: The Highland Habit Edinburgh: National Museums of Scotland, 1991.
- [Colley, 1992](#) – *Colley L.* Britons: Forging the Nation 1707-1837 revised edition, New Haven and London, 1992.
- [Craig, 1996](#) – *Craig C.* Out of History: Narrative Paradigms in Scottish and English Culture. Edinburgh: Polygon, 1996.
- [Crawford, 1992](#) – *Crawford R.* Devolving English Literature. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- [Davis, 1998](#) – *Davis L.* Acts of Union: Scotland and the Literary Negotiation of the British Nation 1707-1830. Stanford, CA: Stanford University Press, 1998.
- [Devine, 2006](#) – *Devine T.M.* The Scottish Nation 1700-2007 reissued edition. London and New York, 2006.
- [Duncan, 1998](#) – *Duncan I.* “Adam Smith, Samuel Johnson and the Institutions of English”, in *The Scottish Invention of English Literature*, ed. Robert Crawford. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- [Duncan, 1998](#) – *Duncan I.* Primitive Inventions: Rob Roy, Nation, and World System. *Eighteenth-Century Fiction* 15, no. 1. October, 2002.
- [Fry, 1992](#) – *Fry M.* The Dundas Despotism. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1992.
- [Gikandi, 1996](#) – *Gikandi S.* Maps of Englishness. New York: Columbia University Press, 1996.
- [Hechter, 1975](#) – *Hechter M.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1975.
- [Kidd, 1993](#) – *Kidd C.* Subverting Scotland’s Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689-1830. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- [Leask, 1992](#) – *Leask N.* British Romantic Writers on the East: Anxieties of Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- [Lloyd, 1993](#) – *Lloyd D.* Anomalous States: Irish Writers and the Post-Colonial Moment. Dublin: Lilliput, 1993.
- [Meek, 1989](#) – *Meek D.E.* “Scottish Highlanders, North American Indians, and the SSPCK: Some Cultural Perspectives.” *Scottish Church History Society* 23, 1989.
- [Merkulov et al., 2017](#) – *Merkulov P., Turin E., Savinova E.* Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775.
- [Nairn, 2001](#) – *Nairn T.* Farewell Britannia: Break-Up or New Union? // *New Left Review*, 7, 2001. pp. 55-74.
- [Pittock, 2001](#) – *Pittock M.* Scottish Nationality. Hampshire, 2001.
- [Richards, 2000](#) – *Richards E.* The Highland Clearances. Edinburgh: Birlinn, 2000.
- [Scott, 1932-37](#) – *Scott W.* Letters of Sir Walter Scott. Edited by H. J. C. Grierson. 12 vols. London: Constable, 1932-37.
- [Sinclair, 1837](#) – *Sinclair, Sir John.* Memoirs of the Life and Works of the Late Right Honourable Sir John Sinclair, Bart. Edited by Rev. John Sinclair. 2 vols. Edinburgh: W. Blackwood and Sons, 1837.
- [Sorensen, 2000](#) – *Sorensen J.* The Grammar of Empire in Eighteenth Century British Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- [Trumpener, 1993](#) – *Trumpener K.* Bardic Nationalism. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- [Withers, 1992](#) – *Withers C.W.J.* “The Historical Creation of the Scottish Highlands” in *The Manufacture of Scottish History*, edited by Ian Donnachie and Christopher Whatley. Edinburgh: Polygon, 1992.
- [Womack, 1989](#) – *Womack P.* Constructing the Myth of the Highlands. London, 1989.

References

- [Anderson, 1983](#) – *Anderson B.* (1983). Imagined Communities. London: Verso.
- [Baucom, 1999](#) – *Baucom I.* (1999). Out of Place: Englishness, Empire, and the Locations of Identity. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- [Bhabha, 1984](#) – *Bhabha H.K.* (1984). “Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse” October 28.
- [Chapman, 1992](#) – *Chapman M.* (1992). The Celts: the Construction of a Myth. New York: St Martin’s.
- [Cheape, 1991](#) – *Cheape H.* (1991). Tartan: The Highland Habit Edinburgh: National Museums of Scotland.
- [Colley, 1992](#) – *Colley L.* (1992). Britons: Forging the Nation 1707-1837 revised edition, New Haven and London.
- [Craig, 1996](#) – *Craig C.* (1996). Out of History: Narrative Paradigms in Scottish and English Culture. Edinburgh: Polygon.
- [Crawford, 1992](#) – *Crawford R.* (1992). Devolving English Literature. Oxford: Oxford University Press.
- [Davis, 1998](#) – *Davis L.* (1998). Acts of Union: Scotland and the Literary Negotiation of the British Nation 1707-1830. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Devine, 2006 – Devine T.M. (2006). The Scottish Nation 1700-2007 reissued edition. London and New York.
- Duncan, 1998 – Duncan I. (1998). “Adam Smith, Samuel Johnson and the Institutions of English”, in *The Scottish Invention of English Literature*, ed. Robert Crawford. Cambridge: Cambridge University Press.
- Duncan, 1998 – Duncan I. (2002). Primitive Inventions: Rob Roy, Nation, and World System. *Eighteenth-Century Fiction* 15, no. 1. October.
- Fry, 1992 – Fry M. (1992). The Dundas Despotism. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Gikandi, 1996 – Gikandi S. (1996). Maps of Englishness. New York: Columbia University Press.
- Hechter, 1975 – Hechter M. (1975). Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Kidd, 1993 – Kidd C. (1993). Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689-1830. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leask, 1992 – Leask N. (1992). British Romantic Writers on the East: Anxieties of Empire. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lloyd, 1993 – Lloyd D. (1993). Anomalous States: Irish Writers and the Post-Colonial Moment. Dublin: Lilliput.
- Meek, 1989 – Meek D.E. (1989). “Scottish Highlanders, North American Indians, and the SSPCK: Some Cultural Perspectives.” *Scottish Church History Society* 23.
- Merkulov i dr., 2017 – Merkulov P., Turin E., Savinova E. (2017). Evolyutsiya ShNP v borbe za natsionalnoe samoopredelenie Shotlandii: k voprosu ob osobennostyah shotlandskogo «natsionalizma» [Evolution of SNP in the fight for national self-determination of Scotland: To the question of features of scottish nationalism]. *Vlast*. No. 6. pp. 153-159. [in Russian]
- Merkulov et al., 2017 – Merkulov P., Turin E., Savinova E. (2017). Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland. *Bylye Gody*. Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775. [in Russian]
- Nairn, 2001 – Nairn T. (2001). Farewell Britannia: Break-Up or New Union? *New Left Review*, 7. pp. 55-74.
- Pittock, 2001 – Pittock M. (2001). Scottish Nationality. Hampshire.
- Richards, 2000 – Richards E. (2000). The Highland Clearances. Edinburgh: Birlinn.
- Scott, 1932-37 – Scott W. (1932-37). Letters of Sir Walter Scott. Edited by H. J. C. Grierson. 12 vols. London: Constable.
- Sinclair, 1837 – Sinclair, Sir John. (1837). Memoirs of the Life and Works of the Late Right Honourable Sir John Sinclair, Bart. Edited by Rev. John Sinclair. 2 vols. Edinburgh: W. Blackwood and Sons.
- Sorensen, 2000 – Sorensen J. (2000). The Grammar of Empire in Eighteenth Century British Writing. Cambridge: Cambridge University Press.
- Trumpener, 1993 – Trumpener K. (1997). Bardic Nationalism. Princeton: Princeton University Press.
- Turin, 2017 – Turin E.A. (2017). Vliyaniye britanskoy imperskoy gosudarstvennosti na shotlandskuyu natsionalnyuyu identichnost: k voprosu o nezavisimosti Shotlandii [Influence of the British Imperial statehood on the scottish national identity: to the question of independence of Scotland]. *Vlast*. No. 7. pp. 178-182. [in Russian]
- Withers, 1992 – Withers C.W.J. (1992). “The Historical Creation of the Scottish Highlands” in *The Manufacture of Scottish History*, edited by Ian Donnachie and Christopher Whatley. Edinburgh: Polygon.
- Womack, 1989 – Womack P. (1989). Constructing the Myth of the Highlands. London.

Социокультурное наследие Хайленда в контексте научного осмысления исторических императивов политического развития шотландского общества. Часть 2.

Павел Александрович Меркулов ^{а, *}, Евгений Анатольевич Тюрин ^а, Елена Николаевна Савинова ^а, Наталия Геннадьевна Акатова ^а

^а Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются исторические императивы идентичности шотландцев в контексте научного осмысления цивилизационных и социокультурных оснований политического развития шотландского общества. Пытаясь осмыслить причины возникновения сепаратистских тенденций в Великобритании, авторы затрагивают ряд вопросов, связанных с ролью Шотландии в формировании Британской империи, отдельно останавливаясь на проблеме трансформации шотландской идентичности в конце XVIII–XIX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов), turin.of.foveran@yandex.ru (Е.А. Тюрин), savinovae.n@yandex.ru (Е.Н. Савинова), ngofficial@yandex.ru (N.G. Akatova)

Основное внимание в статье уделяется взглядам шотландских авторов имперского и современного периодов о социокультурном наследии Хайленда в контексте научного осмысления исторических императивов политического развития Шотландии. В статье обосновывается мысль о том, что социокультурное наследие горцев не оставалось статичным, но, напротив, отличалось динамизмом, т.к. Хайленд был введен в англоязычное сознание во времена сложных условий имперской экспансии, столкновения культур, временных рамок и пространства. Это приводило к неоднозначности характеристик шотландской идентичности. Данный вопрос, по мнению авторов статьи, продолжает оставаться дискуссионным с конца XVIII века вплоть до настоящего времени, т.к. Шотландия в цивилизационном плане противоречива. Последнее обстоятельство объясняется исторически обусловленной вовлеченностью шотландцев в процессы политической, экономической и культурной экспансии Британской империи. Поэтому, считают авторы статьи, осмысливая различные концепции, описывающие современное состояние шотландского общества, очень важно понимать амбивалентность взглядов, касающихся шотландской идентичности, «лакмусовой бумажкой» которой в XVIII–XIX веках было социокультурное наследие Хайленда.

Ключевые слова: Шотландия, Хайленд, Лоуленд, шотландская идентичность, британская идентичность, колониализм, Британская империя.